

*Артамошкина Л.Е.,
кандидат філософських наук, доцент
кафедри культурології філософського факультета
Санкт-Петербурзького державного університета*

ТЕЛО/ОБРАЗ/ТИП: АНАЛИТИКА ФОРМ БИОГРАФИЧЕСКОГО В КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Обращение к природе образа позволяет проследить условия формирования индивидуальных представлений. Рассматривается возможность и характер трансляции индивидуальных представлений в культуре.

Ключевые слова: биография, тело, образ, тип, феноменология, гештальт-психология, изоморфизм

Биография обладает единственностью и неповторимостью, обеспеченной единственностью ее автора-носителя и в этом аспекте определяется модусом «мыслящего тела». Образ является нам как результат определенного процесса, связывающего нас (в нашем сознании, чувственности, теле) с тем, что вне нас. Образ есть совокупность психофизического и ментального элементов, их синкретизм. Исследование природы образа обращает нас к направлению психологии, оформившемуся в немецкой науке под воздействием феноменологии Гуссерля, гештальт-психологии.

Обнаруживая новый исследовательский потенциал в самом понятии образа, мы хотели бы в ходе дальнейших теоретических исследований и аналитики биографии, проверить исходный тезис: образ является «энтелехией» социокультурной жизни и определяет неизбежность/необходимость ее творческого преобразования усилием человека как подлинное усилие сохранения жизни в ее онтологических основаниях.

С необходимостью мы выходим на рассмотрение функции воображения в отношении к природе образа, в мифопоэтическом модусе и «мышлении тела». Биография в целостности складывается благодаря мифопоэтическому обнаружению глубинного образа собственной жизни, по природе своей обладающему способностью стать типом. Любая биография есть «некий интеграл смыслов эпохи, поколения, индивидуальной судьбы» [2, 560, 516]. Но биография обладает единственностью и неповторимостью, обеспеченной единственностью ее автора-носителя и в этом аспекте определяется модусом «мыслящего тела». Это ведет нас дальше – к природе самого образа. Всякий образ является нам как результат определенного процесса, связывающего нас (в нашем сознании, чувственности, теле) с тем, что вне нас. (1) Образ возникает в нас, но является следствием прямого или непрямого взаимодействия с «миром» (всем, что определяется нами как «не мы», что противопоставляем мы себе уже

в первоначальной интуиции самих себя». (2) Образ есть результат интенциональности нашего восприятия и мышления. (3) Образ оказывается возможным в своем рождении благодаря определенным способностям в нас: телесному восприятию/психофизической реакции на раздражитель (а); воображению (б). Толчком к появлению в нас образа может являться как нечто внешнее (событие, мелодия, тень на стене), так и «внутреннее» (припоминание, боль внезапная, звук в нас, собственный голос, звучащий в нас «безмолвно»).

Образ есть совокупность психофизического и ментального элементов, их синкретизм.

В свете наших размышлений заслуживающей особенного внимания становится философия немецкого мыслителя Дитмара Кампера. (Непреднамеренно возникает еще один сюжет, связанный с последовательностью развития заявленных тем и понятий в немецкой философской и социологической традиции XX века) [3].

В частности, для нашего исследования интересны наработки Кампера в области социологии воображения. Кампер рассматривает способность воображения в эмпирическом плане как «человеческую силу», присущую человеку до того, как он стал субъектом. Если заострить эту мысль, то можно сказать, что человек начинается как человек там и тогда, когда в нем являет себя, пробуждается воображение. Интересно, как этот сюжет был художественно заявлен в русской литературе романом Е. Замятина «Мы». Небесполезно здесь вспомнить об обстоятельствах зарождения и написания этого романа. Это ситуация воплощенной утопии, рождения нового государства, где «счастье всех» стало краеугольным камнем идеологии и политики. На эту ситуацию и реагирует Замятин своим романом. Фактически, это та же «нулевая» ситуация. В новом обществе, в новом мире, который изображает Замятин, действительно побеждены природные, темные инстинкты и хтонические силы. Это ясный, прозрачный мир, в буквальном смысле мир стеклянных стен и прозрачных домов. Последнюю операцию, которое совершает Государство по окончательному освобождению «человека»/героя от тяжести природного/неразумного/звериного – это операция по удалению фантазии.

В философии Кампера важной оказывается посылка, выраженная в понятии «мышление тела», ко-

торая раскрывается через обращение к исследованию силы/способности воображения. В рамках нашего исследования нас интересует, прежде всего, определенный модус этой способности воображения – мифопоэтическое мышление. Здесь и нужно искать то место встречи «образа» и «тела», которое позволяет преодолеть трагический, по мысли Кампера, разрыв мышления и тела. Вырастающая за этим проблема, обращает нас к самому понятию «биография». И здесь мы вступаем в область подлинно сложного соотношения «воображаемого-символического-реального», именно здесь проблема «живого мыслящего тела» обнаруживает себя со всей очевидностью. Биография как рефлексия и одновременно как опыт составляет предмет наших размышлений. В этом ракурсе для нас чрезвычайно важным оказывается характер этого соотношения, явленный, например, Ф. Ницше, Ж. Делезом, Ж. Батаем, М. Бланшо, В. Розановым, В. Шаламовым, П. Леви, Д. Кампером (конечно, этот ряд можно продолжать), ибо предельность рефлексии и опыта испытаны ими, в буквальном смысле этимологического и фонетического совпадения: опыт оказывается возможен как «пытка».

«Мышление тела»... Это всегда изобретение, утверждение своего обретения. Каждая ситуация требует изобретения, чтобы обрести событие... Речь идет не о сделанности, а о постоянном переделывании, о процессуальности субъективности и любых форм опыта... Философ пишет: «Все теории основываются на повествованиях, все повествования на сценах, все сцены на фигурах, все фигуры на образах, все образы на ранах» [3].

Кампер высказывает важную мысль, а именно, что образ отсылает к «разить», «поражать», «ранить» (примечательна эта дарованная фонетикой русского языка возможность подобной связи). Единство видимого и осязаемого объединяются в работе силы воображения, модусом которого является «мышление тела».

Комментатор выстраивает определенную последовательность ступеней построения теории Кампера, в которой примечательно следующее: предельно близкими (самыми близкими) оказываются «образы» и «раны». Характер этой близости-связи, ее воплощение в биографии оказываются в поле нашего самого заинтересованного обращения. Автору данного исследования близок и тот тип науки, который Кампер предлагает основать, – «наука как страсть» («Wissenschaft als Leidenschaft»). Сам объект нашего исследования – биография – позволяет реализовать новый принцип и одновременно прием исследования – хиазматический (по определению Кампера), что предполагает «телесную» включенность автора в свое исследование, опыт, не отстраняющий автора от объектов исследования и его «героев». Кампер убежден, что способность/сила воображения должна быть восстановлена в повседневности как «мышление

тела». Она и может противостоять абстракции и формализации. Критичность ситуации для современного человека заключается в «насилии» образов (реклама и т. п. зрительные образы), в тотальном наступлении виртуальной реальности. В действительности сейчас разворачивается «новая война» – война образов [1]. Человек оказывается опутан образами, которые подавляют его стереотипами, загоняют сознание в ловушку «типичного» (не отсюда ли это пресловутое и навязчивое словечко «ну, типа...»?). Сила воображения, развитая в человеке, исходящая из его собственной «природы», единственной и до конца не подлежащей (пока) абсолютному повторению (хотя клонирование – это уже реальность, пусть пока и научного мира) – защита и орудие от агрессивного воздействия любого уровня (картинка, человек, событие, идеология, толпа).

Концепцию Кампера можно рассматривать через призму теории, позволяющей проследить связь феноменологической «истории» образа, ее развития в психологии и, наконец, ее обнаружения в самой сути иконического поворота XX века – гештальт-теории и связанного с ней понятия изоморфизма.

Исследование природы образа обращает нас к направлению психологии, оформившемуся в немецкой науке во многом как следствие усвоения и осмысления феноменологии Э. Гуссерля. Имеется ввиду гештальт-психология. В конце XIX – начале XX века разворачивается процесс институализации психологии, обретения ею самостоятельного, независимого от философии дисциплинарного пространства.

Гештальт-теоретики попытались ввести эстетическое измерение в эволюцию научных теорий, в ткань опыта и собственно природы. Гештальт-теория выступила с требованием к объективности, подчеркивая, что она лежит не за, а внутри потока опыта. Гештальт-теория была также реакцией на кризис позитивизма. Одновременно она выражала ситуацию кризиса в целом, в культуре Европы накануне Первой мировой войны, попытку совместить и сохранить ценности науки и идеи гуманизма.

С развитием гештальт-теории связано и развитие таких тем в философии и гуманитарной науке, как характер, персональность.

Взаимодействие философии и психологии в Германии проявилось, например, в организации журнала, начавшего выходить уже в 1890 г – «Журнал по психологии и физиологии органов чувств» (Journal for Psychology and Physiology of the Sense Organs). Он объединил психологов Н. Ebbinghaus, А. König, Н. Aubert и философов Т. Lipps, G. Müller, С. Stumpf. Ведущие теоретики гештальт-психологии были студентами и слушателями Штумпфа (Stumpf(a)), который в своих лекциях знакомил их с идеями Бергсона, Дьюи.

Макс Вертгеймер посещал семинар В. Дильтея, а чуть раньше этого познакомился с некоторыми работами Гуссерля. Его привлекла идея целостности,

лежащая в основе философских концепций этих мыслителей. Эта общность выразилась, например, в определении соответствующего направления в Лейпцигской школе как «холистической психологии», и наследстве, полученном от Дильтея в качестве общей идеи движения от общего к его частям.

Во «Ведении к гуманитарным наукам» (1884) Дильтей говорит о личности как о психологическом целом. Позже в 1894 году он добавляет, что эта целостность формируется (*gestaltet*) под влиянием истории, культуры и общества. Продукт такого взаимодействия между индивидуумами и культурой их окружающей он называет «формой души» (*Gestalt der Seele*). Социальную, культурную форму личности он называет «характер», или «*gestalt*». Это слово часто используется в Германии для обозначения исторического персонажа. В этом смысле оно обозначает как личности, так и их роль на исторической сцене. Такие персонажи интересовали Дильтея на протяжении всего исследовательского пути. Он не рассматривал индивидуальность в ее уникальности, но обращался к «типичному человеку» или к «формам индивидуальности». Однако Дильтей не разрабатывал систему персональных типов. Позднее это сделает, например, Э. Шпрангер. Но к концу 90-х годов Дильтей не предложил метода, который мог бы выявлять закономерности живого опыта и причем с точностью, на которую претендовали эксперименталисты. Эту задачу поставил перед собой Э. Гуссерль. После опубликования «Логических исследований» стало очевидно обращение Гуссерля к идее имманентной объективности Ф. Brentano, которая вскоре станет одним из оснований гештальт-теории. Ключевой вопрос, доставшийся философии и психологии в наследство от предшествующего этапа заключался не в том, *как* мы можем знать, но как мы можем *описать* акт нашего знания и формализовать результаты его.

Давид Кац, который посещал семинары Гуссерля в Геттингенском университете, где Гуссерль преподавал с 1901 г., признавал, что феноменология, в лице ее основателя, уже тогда представлялась ему наилучшим путем, соединяющим философию и психологию. Диссертации, которые выполнялись в это время под руководством Гуссерля, вполне можно считать вкладом в дискриптивную психологию (например, диссертация Альфреда Шаппа о цвете).

После войны в 20-е годы в Веймарской республике всеобщим стало мнение о кризисе науки и необходимости новых путей в решении научных, социальных и политических проблем. Выход труда О. Шпенглера «Закат Европы» знаменовал как факт осознания кризиса, так и новый язык для его осмысления. Его язык был языком действия. Он доказывал, что пришло время возрождения продуктивных формообразующих сил (*Gestaltungskräfte*).

В целом, это был поворот к социальному мышлению. Здесь особенно важным является имя Э. Шпрангера. Во многом он продолжал путь, намеченный Дильтеем. Он подчеркивал, что возвращает слово «психология» для науки о жизни, наполненной значениями. Свою психологию он назвал структурной психологией. Он выделял шесть типов персональностей, каждый из которых он связывал с особым взглядом на мир (мировоззрением) или формой жизни. Каждый из этих типов выдвигается на первый план в зависимости от исторической эпохи. Индивидуальность, относящаяся к одному из типов, является смесью теоретического, экономического, эстетического, социального, религиозного и властного типов при доминировании одного из них. Этот подход развивал идею Дильтея об исторической типизации индивидуальностей в культуре.

Во вступлении к английскому переводу своей книги Шпрангер объясняет, что в основе предложенной типологии лежит «тип души». Современная ситуация, подчеркивает Шпрангер, обязывает к пониманию, что формирование и защита жизни человека зависит не только от власти природы, но и от культурных условий. Различия, которые репрезентирует человек, являются не только биологическими, но и ментальными (культурными). «Надбиологический» уровень жизни человека – это мир значений и смысла. При этом Шпрангер противопоставляет традицию исследования человеческого мира в Америке, Англии, Франции и традицию, сложившуюся в Германии. Если в этих странах проблемы человека и его жизни рассматриваются с позиций социологии, то в традиции гуманитарной науки Германии исследовать более обширную и значительную сферу, располагающуюся над миром социального, – мир культуры. Не случайно именно в Германии появляется такая область философии как философия культуры. В этом факте, по мысли Шпрангера, выражено признание, что существуют детерминантные факторы, определяющие развитие более высоких уровней, нежели факт социальных отношений. Это выражает различия между социологией Запада и философией культуры Германии.

«Мы больше не верим, что высшие психические достижения (уровни психического развития) могут быть поняты как сумма или развитие простых психологических элементов. Мы расцениваем эти элементы как обусловленный феномен выразительной тотальности жизни, целое которой должно быть познано через каждую индивидуальную психическую функцию. К слову, которая также становится фундаментальной концепцией этой новой психологии: структура, жизненный контекст, общий контекст значений являются исходно важной для психологии, а элементарные функции получают себе обоснование только через всеобщность (целостность). Даже психический организм больше, чем только сумма или конгломерат ячеек, каждая из которых может суще-

ствать отдельно. Это жизненное единство, в котором функция каждой ячейки или группы ячеек определены этими отношениями и условиями целого. Кроме того, целый организм также располагается в окружении, которое организовано внутренними условиями, и из которых он выбирает факторы жизненно важные для него, биологически значимые. Подобное очевидно на ментальном уровне. Никто не будет отрицать, что идеи, чувства, инстинкты и волевые акты принадлежат также вполне научному исследованию, как и художественному творчеству, экономической активности или религиозной медитации. Но по той причине, что эти элементы возникают во взаимодействии всех этих условий, важно рассматривать не их специфический вид (способ) взаимодействия. Единство и это взаимодействие, чтобы сформировать уникального значения, я называю структурой.

Понятие структуры или закона конструкции близко к биологическим, и это понятие единства возникает в теории организмов. Но всегда трудно для ученого собрать воедино (совместить) всеобщность и индивидуальность.

Наша цель – отметить психологический контекст современной жизни, которая проходит (происходит, разворачивается) и жестко ограничена рамкой цивилизованного общества. Мы в Германии убеждены, что такая жизнь не может быть понята психологически, но она предполагает сверхиндивидуальный контекст особенных законов образования смыслов. Однако мы рискуем, обобщая то, что может быть подтверждено опытом индивидуальной жизни. Было бы в целом ошибочно верить, что любой из этих типов реально существует так, как это описано целиком нашим односторонним методом. Такое существование также мало возможно, как существование абсолютного куба, или негнущегося тела, или тела, падающего в вакууме. Конструкция этих идеальных типов человеческой природы служит только очищению и приведению в порядок запутанного комплекса, реальных форм. Это может быть некоторым путем нашей мысли приблизиться к этим реальностям все более и более близко.

По этой причине важно задать вопрос, удовлетворяют ли эти типы возможности понимания важных форм личности» [4, 7].

Сам Шпрангер видит определенную условность подобной типизации, когда говорит о ее незавершенности. Так, относительно Америки, можно было бы выдвинуть еще один тип личности – пионера (изобретателя, первопроходца, авантюриста).

«Психологический опыт ставится не только в лаборатории или клинике или только из сравнения существований человека, но также из несметного числа людей прошлого, которых мы знаем только по письменным документам. Мы все более нуждаемся в расширении нашего опыта иным способом, нам следует изучать психологический феномен, который

соотносится с нашими культурными детерминантами. Какова ценность большинства всесторонних массовых статистических сравнений громадного материала наших психических структур, которые история по наследству передает нам. Мои психологические цели – в понимании этих исторических структур и их трансформации, даже если я могу раскрыть только маленький аспект этого. Добавление к этому типу психологии могло бы, с одной стороны, выявить структурные трансформации в различных индивидуальных возрастах, с другой стороны, структурные изменения в человеческой душе на протяжении истории ее последних тысячи лет. Таким образом, я только приступил к первой части проблемы в моей «Психологии юношеских возрастов», изданной в Лейпциге в 1928 г. Также необходимо изучать структуру примитивного человека или более ранних культурных эпох, и некоторые попытки были сделаны в этом направлении... Суммирую: эта книга только делает первые шаги, но в направлении, которое, я уверен, должно быть развито дальше, если психология в будущем собирается продвинуться в сторону понимания высшей ментальной жизни. Сделана дифференциация современного человека и культур, больше всего подобное проникновение нам потребуется для практической жизни. Мы должны строить мост между душой и душой, и если возможно тем же способом – между группой и группой. Это сознательное воссоздание чудесного единства контекста жизни, из которого наша современная культура была выброшена, но без которого высшая культура не сможет далее продолжаться» [4, 10] (перевод наш. – Л. А.).

Шпрангер не раз подчеркивает проблему, возникающую в рамках подобных типологий: насколько адекватно возможно выразить характер и принципы соотношения индивидуального и коллективного начал в границах такого типа. Нам кажется очевидной тенденция, подчиняющая индивидуальное общему, в самой изначальной посылке – проследить, как эпоха/история/культура формируют и одновременно востребуют определенные черты личности. Это и выявляет зависимость/близость подобной концепции социологическому подходу.

Не претендуя на окончательность решения проблемы, предлагаем в качестве «уравновешивающего» принципа анализа соотношений индивидуального/коллективного в культуре понятие биографического типа.

Подводя предварительные итоги, скажем, что природа биографического типа уясняется рассмотрением соотношения понятий, развиваемых в русской линии феноменологии Г. Г. Шпетом, – «внутренней формы» слова и «энтелехии», которые приобретают культурно-философское значение. Эти понятия обнаруживают характер своего осуществления в культуре в связи с образом.

Литература:

1. Романенко Ю. М. Имагомахия: словарная статья // Ю. М. Романенко // Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003. – 512 с.
2. Солонин Ю. Н. Декарт: образ философа в образе эпохи // Солонин Ю. Н. // Фишер К. История Новой философии. Декарт: Его жизнь, сочинение и учение. – СПб.: Мифрил, 1994. – 560 с.
3. Степанов М. А. Тело, образ, текст, знак, сила воображения...: философия тела Дитмара Кампера // М. А. Степанов // Хора. – 2008. – № 4. – С. 106 - 115.
4. Spranger E. Types of Men: The Psychology and Ethics of Personality. M. Niemeyer, 1928. – 404 pg.

Артамошкіна Л. Є. Тіло/образ/тип: аналітика форм біографічного у культурі. – Стаття.

Анотація. Звернення до природи образу дозволяє простежити умови становлення індивідуальних уявлень. Розглядається можливість та характер трансляції індивідуальних уявлень в культурі.

Ключові слова: біографія, тіло, образ, тип, феноменологія, гештальт-психологія, ізоморфізм.

Artamoshkina A.E. Body/Image/Type: the Analysis of Biographical Forms in the Culture. – Article.

Summary. We research the nature of the image to understand the principles forming individual ideas. It is possibility to know the character of translating this individual ideas into culture.

Key words: biography, body, image, type, phenomenology, gestalt-psychology, isomorphism.